ЮНЕСКО

Конвенция о культурном многообразии

На Генеральной ассамблее ЮНЕСКО в Париже 20 октября 2005 г. большинством голосов (148 «за», 2 «против», 4 воздержались) была принята Конвенция о защите и развитии многообразия форм культурного самовыражения. Этот международный нормативный инструмент, который также называют «конвенцией о культурном разнообразии», вступит в законную силу через три месяца после того, как его ратифицируют не менее 30 стран.

Конвенция имеет целью подтвердить связь между культурой, развитием и диалогом и создать инновационную платформу для международной культурной кооперации. Она также подтверждает суверенное право любой страны разрабатывать культурную политику с учетом «защиты и поддержки разнообразия культурного выражения» и «создавать условия для расцвета культур и их свободного взаимовыгодного взаимодействия».

Этот документ — результат тщательной подготовительной работы и интенсивных переговоров и дискуссий, которые на протяжении двух лет велись на многочисленных встречах независимых и правительственных экспертов. Конвенция включает в нормативное поле идею, которая уже нашла отражение во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001), в которой культурное разнообразие рассматривается как «достояние всего человечества» и его защита провозглашается «моральным императивом, неотделимым от уважения человеческого достоинства». В 2003 г. страны-члены ЮНЕСКО потребовали, чтобы организация предприняла конкретные шаги в нормативном поле для защиты креативности, которая в VIII и IX главах Декларации ЮНЕСКО трактуется как «витальный компонент».

Комментируя принятие Декларации, обозреватель швейцарской газеты «Нойе цюрхер цайтунг» Марк Цитцман замечает, что сформулированное в свое время Францией и Канадой понятие «культурное исключение» — *exception culturelle* изжило себя или, скорее, поднялось на более высокий уровень, превратившись в международный договор.

Согласно «*exception culturelle*», культурные ценности и культурные услуги не являются обычными товаром и услугами и потому должны «исключаться» из экономических переговоров — во всяком случае, тех, что ведутся в рамках ВТО. Многие инструменты общественной культурной политики противоречат принципам ВТО, и потому существует сильное давление, нацеленное на либерализацию целых секторов. Однако существующие в Европе модели культурного развития и финансирования несовместимы с полной либерализацией. В то же время вряд ли возможно полностью исключить культурный сектор из экономических переговоров. Государство вправе только

не принимать на себя обязательств относительно определенного сектора в рамках текущих переговоров. И все же эта тема может снова всплыть в любой момент.

Конвенция в защиту культурного многообразия является попыткой юридически закрепить за государством право свободно определять свою культурную политику. Процессы глобализации, стимулируемые стремительным развитием информационных и коммуникационных технологий, говорится в преамбуле документа, сопряжены не только с преимуществами, но и с опасностью обеднения форм культурного самовыражения. При этом культурное разнообразие служит вектором стабильного развития сообществ, народов и наций, оно важно для всестороннего осуществления конституционных гарантий и прав человека и необходимо для обеспечения мира и безопасности на локальном и международном уровнях. Однако в бурных дискуссиях, предшествовавших подписанию конвенции, никак не удавалось, например, достичь консенсуса по вопросу о том, что конкретно понимать под «культурным разнообразием».

Профессор Роберт Албро (из Университета Джорджа Вашингтона, США) полагает, что для ответа на этот вопрос следует пристальнее рассмотреть дивергентные значения слова «многообразие» в общекультурном контексте. По его мнению, роль многообразия в глобальной культурной политике далеко не ясна. Так, представители США при обсуждении конвенции настаивали на том, что культурное многообразие неразрывно связано со свободой выражения и беспрепятственным распространением идей. Это действительно близкие понятия, утверждает ученый, однако они не тождественны. Свобода выражения коррелируется с правом индивида или группы на самовыражение (т. е. с правом говорить «это» и/или делать «это»), в то время как культурное многообразие отражает варианты коллективных культурных различий или доступных наличных культурных продуктов (внутри или среди «этого»). Роберт Албро ставит вопрос: является ли многообразие процессом, развитию которого следует способствовать, или состоянием дел, которое необходимо учитывать и сохранять.

Документы ЮНЕСКО определяют культурное многообразие как разнообразие путей для самовыражения культурных групп и сообществ. Это определение, замечает американский ученый, примечательно тем, что отдает предпочтение разнообразию средств выражения перед культурным разнообразием. Такая озабоченность культурными формами, по его мнению, может способствовать подмене смысла понятия «многообразие культур». Критики принятой ЮНЕСКО конвенции настаивают на том, что она нацелена против ВТО и Генерального соглашения по торговле и услугам, подписанного в 1995 г. в той его части, которая касается кино- и аудиовизуальной индустрии. Они полагают, что

«разнообразие способов выражения» в трактовке ЮНЕСКО — это синоним «технологий распространения».

Все эти теоретические проблемы, на первый взгляд столь далекие от практики, на самом деле принципиально важны, полагает профессор Албро. Если сегодня проигнорировать связь многообразия с конкретными субъектами культуры, это может в будущем привести к утрате смысла многообразия как такового.

Конвенция признает двойственную природу культурных ценностей и культурных услуг: с одной стороны, они принадлежат к миру экономики, с другой — являются «носителями идентичностей, ценностей и смыслов» и потому не могут рассматриваться в качестве представляющих исключительно коммерческий интерес. «Культурные аспекты развития, — гласит Конвенция, — столь же важны, как и экономические». Экономическому и социальному аспектам культуры придается в последнее время все большее значение — документ ЮНЕСКО официально закрепляет эту высокую оценку.

Конвенция не является, конечно же, классическим экономическим договором, соблюдение положений которого обеспечивается штрафными санкциями. Скорее она призвана служить руководством, в котором содержится перечень принципов, прав и задач. Присоединившиеся к ней страны могут пользоваться ею в процессе выработки культурной политики и международных переговоров (поскольку в них затронута культурная тема) — или не пользоваться. Возможно, она имеет в первую очередь символическое значение: она напоминает о том, что наряду с коммерцией существует культура; что все культуры равноценны, но не все одинаково защищены; что в них богатство человечества. Для развивающихся и малых стран ее текст может служить указателем и своего рода опорой в переговорах с всемогущим партнером. Так, США все чаще практикуют заключение двусторонних и региональных договоров о свободной торговле: их последние соглашения с Чили, Марокко и четырьмя из латиноамериканских стран практически лишили эти государства возможности выдвинуть какие-либо культурно-политические ограничения.

Ни одна страна не может быть привлечена к ответственности за несоблюдение положений этого договора. Апелляция к третейскому суду — дело добровольное, так же как и отчисления в новый международный фонд культурного многообразия. Что же касается кооперации между промышленно развитыми и развивающимися странами, которой документ придает большое значение, то это его положение вызывает большие сомнения. Зато статья 20 может иметь вполне конкретные последствия. Конвенция, значится в ней, не только имеет равную силу с прочими договорными документами; участвующие стороны должны также принимать во внимание «соответствующие

положения» ее текста «при интерпретации и применении положений иных договоров, участниками которых они являются, или в случае принятия на себя иных международных обязательств». Поскольку принципы ВТО не всегда гармонично сочетаются с требованиями защиты и развития культурного многообразия, юристам придется в ближайшее время попотеть над весьма любопытными казусами.

Средства массовой информации уделяли большое внимание процессу разработки Конвенции, потому что он совпал по времени с возвращением США в ЮНЕСКО после девятнадцати лет отсутствия. Кое-кому в ее тексте виделась антиамериканская направленность. Однако невозможно отрицать тот факт, что преобладание США в некоторых областях культуры — например, в аудиовизуальном секторе и электронных СМИ, — настолько очевидно, что вопросы возникают сами по себе, без всякого враждебного умысла. Можно ли, к примеру, считать нормальным, что в 2003 году 63% билетов в швейцарские кинотеатры было продано на американские фильмы, и лишь 6% на ленты отечественных кинематографистов? Без государственного вмешательства — будь оно финансового (субвенции, налоговые меры и проч.) или регламентирующего порядка (инвестиционные ограничения, установление квот и др.) — многие формы культурного самовыражения во всем мире находятся под угрозой. Против принятия Конвенции возражали лишь два государства, США и Израиль, и это дает пищу для размышлений. Утверждения, будто ряд голосов в пользу Конвенции были отданы из недобрых побуждений, не имеют никакой связи с содержанием ее текста. Конвенция о защите культурного многообразия станет тем, что захочет в ней видеть мировое сообщество.

По материалам статьи Марка Цитцмана (*Marc Zitzmann*) «Ausnahme wird zur Regel für (fast) alle» в газете *Neue Zürcher Zeitung* (Швейцария). — 2005. — 22/23 Okt.

и статьи Роберта Албро (*Robert Albro*) «Managing Cultural Diversity is one of the central challenges of our time» (<http://www.culturalcommons.org/comment>)

Н. Гусейнова, Е. Задорожная